

УДК 008

Памятники русской архитектуры и культуры в Харбине

Дин Сян

Аспирант,
кафедра философии и культурологии Востока,
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Российская Федерация, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9;
e-mail: elina1847@gmail.com

Аннотация

В статье предпринимается опыт анализа русских архитектурных и культурных памятников в Китае. Автор рассматривает российские архитектурные и культурные памятники на примере городского ландшафта Харбина (административный центр современной провинции Хэйлуунцзян, который находится на севере-востоке Китая), разбирает конкретные произведения архитектурного искусства, построенные во времена Российской империи и Советского Союза как историко-культурные феномены, их положение в современном Китае, отражающие, с одной стороны, конкретные способы проникновения российской культуры в китайское этнокультурное пространство и способы распространения российского культурного влияния в Китае, а с другой, особенности восприятия местным населением такого рода новаций и «образа России» местным населением. С объективной точки зрения, такое исследование способно помочь упрочению дружеских связей между РФ и КНР и способствовать дальнейшему взаимопониманию наших народов.

Для цитирования в научных исследованиях

Дин Сян. Памятники русской архитектуры и культуры в Харбине // Культура и цивилизация. 2018. Том 8. № 5А. С. 37-44.

Ключевые слова

КНР, Харбин, архитектура, городской ландшафт, культурные смыслы зодчества, архитектурные стили, архитектурные памятники в русском стиле, образ России.

Введение

Архитектуру справедливо можно рассматривать в качестве результата всей культурной созидательной работы человека, а порожденные ею художественные образы играют важную символическую роль в духовной жизни общества. Не менее важную роль архитектура играет и для этнокультурной самоидентификации. Поэтому сохранение архитектурного наследия – одно из ключевых условий преемственности связи настоящего с прошлым и будущим в рамках того или иного этнокультурного сообщества [Вержбицкий, 2010, 19]. Китайская культура дает множество тому примеров. Пожалуй, самый яркий из них – Великая китайская стена. Если в старом Китае она воспринималась в большей степени в качестве воплощения деспотии имперского режима, каторжного труда и массовой гибели населения, то уже в середине 1930-х гг. ее стали ассоциировать с великим подвигом китайского народа (ханьцев) [Бреус, 2012, 17]. Сегодня Великая китайская стена служит распространенным визуальным символом Китая и государственных устоев КНР: ее изображения включены в атрибутику (на лычках униформ, служебных автомобилях, специальных гербах, на официальных интернет-страницах) Министерства обороны, Министерства иностранных дел, Министерства общественной безопасности, Китайской народной вооруженной полиции, а также входят в число наиболее распространенных образов, воспроизводимых в журналах, на стендах для оформления выставок, рекламных плакатах, в сувенирной продукции [там же, 17-18].

Приведенный пример свидетельствует также о повышенном внимании китайцев к архитектурным памятникам, что распространяется, естественно, и на тех из них, которые служат, напротив, репрезентантами чужеземных культурных традиций. Заявленная автором тема – анализ российских архитектурных и культурных памятников в Китае – позволяет на примере городского ландшафта Харбина проследить, с одной стороны, конкретные способы проникновения российской культуры в китайское этнокультурное пространство, а с другой, особенности восприятия местным населением такого рода новаций. Причем, восприятия далеко не только с утилитарной или эстетической точки зрения. В силу оговоренных выше особенностей осмысления китайцами архитектуры, они усматривают в памятниках российского зодчества выражение «образа России». Не будет большим преувеличением сказать, что за отношением к конкретному зданию, архитектурному ансамблю или культурно-мемориальному комплексу (например, кладбище) скрывается характер отношения ко всей России, на различных этапах ее истории – Российской империи, Советскому Союзу и Российской Федерации. Таковы основные аспекты, которые мы постараемся затронуть ниже.

Основная часть

Городское строительство Харбина началось с 1898 года, причем был разработан генеральный план застройки, который разработали столичные (из Санкт-Петербурга) архитекторы и который был утвержден в столице Российской Империи [Шевцова, 1993, 32]. Более того, строительство Харбина считают первым крупномасштабным проектом Российского правительства после Санкт-Петербурга [Забияко и др., 2015, 15]. Такое отношение к застройке Харбина свидетельствует о том, насколько большое значение российские власти придавали этому городу, явно намереваясь создать там не просто крупный железнодорожный узел, но и главный центр своего геополитического и культурного влияния в Китае и на всем Дальнем Востоке. Привлекает внимание и четкость планировочной схемы будущего города. Его

центральную часть намеревались разместить на возвышенном горизонтальном плато, поднимавшемся параллельно руслу Сунгари, основные магистрали прокладывались в направлении, параллельном течению реки. Перпендикулярные им улицы образовывали четкую систему прямоугольных кварталов, которая, в свою очередь, по диагонали пересекалась улицами, шедшими в широтном и меридиональном направлениях [Шевцова, 1993, 32]. В результате планировочная схема Харбина отчасти напоминает городское пространство Санкт-Петербурга, – еще одно доказательство серьезности намерений уподобить Харбин столице Российской Империи. С другой стороны, она совпадает и с традиционными китайскими градостроительными планировочными принципами, особенно тщательно соблюдаемыми именно для столичных городов. Хотя нет никаких доказательств досконального знакомства российских зодчих того времени с китайским градостроительным каноном, напрашивается предположение, что и это совпадение не было случайным. Через планировку Харбина российские власти пытались наглядно показать китайскому населению величие Российской Империи.

Не менее показательным, что уже 1 октября 1899 года в самой высокой точке центра города Харбина приступили к возведению деревянного Свято-Николаевского собора, в честь Святителя Николая Мирликийского, особо почитаемого в православии. Проект собора разработал Владимир Иосифович Подлевский (1863-после 1917), достаточно известный в то время архитектор, который, что важно, работал в Санкт-Петербурге, возводя и административно-торговые (например, здание Торгового дома Гвардейского экономического сообщества, в дальнейшем известное как «Дом Ленинградской Торговли», ДЛТ), и фабричные здания (Балтийский Судостроительный завод), и церкви, сочетая в них элементы, идущие от древнерусского деревянного зодчества, со стилем модерн (Церковь Покрова Святой Богородицы на территории Политехнического Университета). Строительные работы велись под наблюдением архитектора Алексея Климентьевича Левтеева (1868-1925) – первостроителя Харбина и КВЖД [Крадин, 2015, 198]. Окруженный круглой в плане Соборной площадью, Свято-Николаевский собор господствовал в окружающем пространстве, чему способствовала шатровая архитектурная композиция. Внешний вид собора воплотил в себе традиционную форму, палаточную крышу русской народной деревянной конструкции. [Чан Хуайшэн, 1990, 42]. Такой архитектурный стиль «русских шатровых храмов» подразумевает типичный луковый купол, который образован сочетанием куполов в русском стиле и арочных окон римского стиля и под влиянием византийского архитектурного искусства. Собор должен был стать, по замыслу российских зодчих, символом русской православной культуры [Крадин, 2015, 198] и, добавим от себя, воплощением русских эстетических идеалов. Он создавал образ России как страны, преисполненной духовности и стремления к прекрасному. Показательно, что китайские историки архитектуры считают его «архитектурной драгоценностью» [Чан Хуайшэн, 1990, 42]. Такое впечатление он не мог не производить и на китайских жителей Харбина того времени. Нелишним будет отметить, что место расположения собора до сих пор остается фокусом планировочной среды города, что учитывается и в «Генеральном плане застройки Харбина (2011-2020 гг.)».

Теперь перейдем к памятникам гражданской архитектуры. Практическое предназначение Харбина предполагало создание инфраструктуры, необходимой для жизнедеятельности железной дороги, и создававшей комфортную среду для проживания строителей, обслуживающего персонала и руководства КВЖД. Понятно, что в городе активно строили здания вокзала и управления КВЖД, частное жилье, магазины, банки, клинические учреждения

и т.д. [Шевцова, 1993, 32]. Однако и все такого рода постройки имели определенную эстетическую ценность и идеологические смыслы. Исследователи отмечают удивительную архитектурную полифонию городского ландшафта Харбина. Так, по мнению китайского ученого Лю Сунфу [Лю Сунфу, 2005], в нем присутствуют здания четырех основных архитектурных стилей, часть которых проникли в Харбин уже в 1920-1940-х гг. и из других стран, например, в стиле ар-деко, приобретшем популярность в Европе и в США в 1930-40-х гг.

Но истоки этой архитектурной полифонии тоже восходят к начальной застройке Харбина, когда активно использовали стиль русского модерна. Зародившийся, напомним, в Европе, во время общественной индустриализации, этот стиль получил широкую популярность в Российской Империи, вобрав в себя элементы местной архитектуры, включая деревянное зодчество [Шевцова, 1993]. Широкое использование модерна в Харбине объясняется не только и не столько его популярностью в России. Исключительно важна точка зрения, что «жизнестроительная концепция модерна была весьма актуальной для территории нового освоения, где требовалось создание особого культурного пространства: для совместного русско-китайского проживания и отвечающего государственным целям, которые преследовала Россия на международной арене: связать европейскую Россию и дальневосточную Азию» [Забияко и др., 2015, 21] Если через культовое зодчество подчеркивалась самобытность культуры России, то при возведении общественных зданий намеренно (как считают исследователи) использовали интернациональный вариант модерна, лишенный национальной окраски. Одним из наглядных его образцов служит железнодорожный вокзал в Харбине [там же, 28-29] Китайские специалисты тоже признают архитектурные достоинства и силу влияния старого Харбинского вокзала на местный городской ландшафт, связывая с ним проникновение в Китай русского модерна – ар-нуво [Цзян Сюэ, 2011, 15-26].

Новый этап в создании «русского» архитектурного ландшафта связан с периодом эмиграции, после событий 1917 г. К 1924 г. в Харбине насчитывалось около 100 тысяч эмигрантов из России. Они составило 63,7% от общей численности населения Харбина [Цзен Шуаншуан, 2013, 348]. Эмигранты стремились сохранить и подчеркнуть присущие национальной аристократии духовные ценности: монархические устои и православные традиции. Об этом свидетельствует многочисленность построенных храмов и учебных заведений: в общей сложности 26 церквей [Цзян Сюэ, 2011, 11], шесть высших учебных заведений и целая сеть средних школ. Отдельного разговора заслуживает Свято-Софийский собор, вначале построенный из дерева (Первый был построен в 1907 году на деньги купца Ильи Федоровича Чистякова) и затем расширенный и переведенный в камень в византийском стиле. Он стал крупнейшим на Дальнем Востоке православным храмом, вмещающим до 2000 человек. Весь собор выложен из красного кирпича. Вершина в каждом конце креста кончается традиционной шатровой крышей, на которую надеты купола в виде небольших луковиц, а на месте пересечения креста выстроен высокий большой барабан с 16-арочными длинными окнами, который несет огромный купол в виде луковицы [Крадин, 2001, 123-127].

В то же время российская диаспора стремилась воссоздать и привычную для нее среду обитания. В мае 1924 года улицу вымостили брусчаткой, очень похожей на брусчатку московского Арбата. Если церкви удовлетворяли духовным запросам российской миграции, то «Центральная улица» совместно с торговыми и жилыми зданиями воссоздавали «культурное пространство России». В результате архитектура продолжала создавать иллюзию владычества Российской Империи и создавала «домашнюю атмосферу» для большинства российской эмиграции. Известный писатель Русского Зарубежья Всеволод Иванов замечал в своих очерках

харбинской жизни, «Я думаю, что Китай, принявший в пору 1920 года большую порцию беженцев из России, предоставил им такие условия, о которых они могли разве что мечтать». «Можно сказать с уверенностью, что на всем земном шаре не было другой страны, в которой русская эмиграция могла чувствовать себя в такой степени дома», – вспоминала писательница Наталья Резникова [Крадин, 2015, 198]. Коммерческая и жилая архитектура позволяла местным жителям понять образ жизни российской миграции, что способствовало развитию национальной повседневной культуры.

В 1932 г. город был оккупирован Японской императорской армией. В 1935 г. СССР продал долю собственности КВЖД Японии, после чего отток русских из Харбина существенно увеличился [Цзен Шуаншуан, 2013, 348].

С момента освобождения Харбина начался этап «советского строительства». В ноябре 1945 года воздвигли два памятника. Во-первых, памятник советским воинам, павшим за освобождение Харбина (ноябрь 1945 года), установленный на площади Свято-Николаевского собора (ныне Площадь Провинциального музея). Статуи пехотинца и моряка стоят на высоком пьедестале из белого гранита, украшенном изображениями герба и флага СССР [Лю Дэци, 2015]. Во-вторых, «Мемориал Советским солдатам», на Привокзальной (Вокзальной) площади (перед Харбинским вокзалом), в виде четырехгранной устремленной вверх башни (высота 18,4 м), увенчанной статуями двух солдат (памятник снесли в связи со строительством нового здания вокзала в конце 1980-х гг.).

После 1949 г. в Харбине появились здания в «советско-сталинском стиле». В 1952 г. построили Пекинский выставочный зал, в 1955 г. – здание «Китайско-советской дружбы». Внедрение в городской ландшафт «советско-сталинского стиля» усилилось после подписания Соглашения о содействии и строительных проектах между КНР и Советским Союзом (1953 г.) [Ин Жо, 1981, 60].

Однако эти архитектурные новации вызывали массовые протесты. Китайцы не понимали и не принимали эстетику «советско-сталинского стиля», возражали против дороговизны строительства. В начале 1955 г. появилось даже «Движение против расточительства» [Цзи Гоуа, 2007, 7]. Здания, выполненные в «советско-сталинском стиле» часто перестраивают, заменяя шпили типично китайскими крышами.

Конфликт между КНР и Советским Союзом в период «Культурной революции» (1966-1976) повлек за собой «борьбу с российской архитектурой». В 1967 г. снесли Свято-Николаевский собор и многие другие церкви. За последующие двадцать лет (до 1984 г.) перестроили или разрушили более половины зданий старой архитектуры. А это означает, что в исторической памяти местных жителей, тем более, в сознании представителей молодого поколения, «образу России» тоже грозило разрушение и скорое забвение.

К концу прошлого века ситуация резко изменилась. Еще в 1984 г. в администрации Харбина предложили «Список зданий, улиц, площадей и кварталов, подлежащих государственной охране» и приступили к разработке конкретных мер по охране и, если нужно, реставрации внесенных в него памятников и историко-культурных достопримечательностей. Всего в нем числились 74 здания, один мост, две улицы, одна площадь и два квартала [Хоу Юбин, 1992, 18], 68 из них являются памятниками «русской архитектуры» [Цао Иян, 2011]. Подчеркнем, что этот список появился еще до распада Советского Союза и начала установления прочных дружеских связей КНР и Российской Федерации. Поэтому администрация Харбина не могла руководствоваться исключительно текущей политической конъюнктурой, а действительно задумалась над культурной ценностью старого городского ландшафта.

В 2001 г. Постоянный комитет Провинциального народного собрания рассмотрел «Правила о защитах зданий и районов в Харбине». Члены Постоянного комитета сошлись во мнении, что Харбин является важным историко-культурным центром и, следовательно, крайне необходимо разработать и принять местные законодательные меры по охране конкретных памятников архитектуры и целых районов. Приняли «Изменения в соответствии с потребностями развития городского строительства». 7-й параграф Второй главы этого документа гласит, что «Правительство муниципального образования утверждает меры по охране памятников архитектуры, включая стандарты сохранения и восстановления их первоначального облика», а именно – исходную планировку, архитектурный декор, прилегающие зеленые насаждения и вспомогательные объекты здания.

Заключение

С 1997 г. по настоящее время власти Харбина вложили более 3 млрд. юаней в мероприятия по охране и восстановлению местных историко-культурных и архитектурных памятников. В 2014 г. список таких памятников расширили до 415 пунктов, и их число продолжает увеличиваться. Забота об архитектурных памятниках и историко-культурных достопримечательностях объяснялась необходимостью сохранять историю собственного города, воплощенную в его ландшафте [Люй Бо, 2014]. Но одновременно восстанавливали и воспоминания о России.

В 1997 г. отремонтировали Свято-Софийский собор, затем реставрировали и даже восстановили (например, Свято-Николаевский собор, в 2006 г.) ряд других православных храмов, а также жилые и коммерческие (гостиница, магазины) здания, относящиеся в основном к первой трети прошлого века, то есть воплощающие в себе, как о том говорилось выше, очень позитивный для местного населения «образ России» времен Российской Империи и эмиграции. Возрождение такого «образа России» не может не содействовать, с объективной точки зрения, упрочению дружеских связей между РФ и КНР и способствовать дальнейшему взаимопониманию наших народов.

Библиография

1. Бреус Е.М. Образы и символы власти в современном Китае: автореф. дис. ... канд. истор. наук. М., 2012. 26 с.
2. Вержбицкий Ж.М. Архитектурная культура: искусство архитектуры как средство гуманизации «второй природы». СПб.: АРДИС, 2010. 136 с.
3. Забияко А.А. и др. Русский Харбин. Опыт жизнестроительства в условиях дальневосточного фронта. Благовещенск, 2015. 461 с.
4. Ин Жо. Архитектура «внутри определяется социализмом, внешне отражает национальность» // Газета «Цзяньчжу сюэбао». 1981 (2). С. 60-63.
5. Крадин Н.П. Свято-Николаевский собор в Харбине как символ русской православной культуры // Рябининские чтения. Петрозаводск, 2015. 596 с.
6. Крадин Н.П. Харбин – русская Атлантида. Хабаровск, 2001. 347 с.
7. Лю Дэци. Дела прошлого в Харбине – русский архитектурный стиль Харбина. 2015. URL: <http://imharbin.com/post/17028>
8. Лю Сунфу. Тенденции развития современного архитектурного искусства Харбина // Чэнши цзяньчжу. 2005. С. 43-47.
9. Люй Бо. Наиболее примечательные памятники старой архитектуры Харбина должны быть восстановлены: заново отредактированный список 415 памятников // Газета «Хаэрбинь синь ваньбао». 2014. 9 мая.
10. Стрелкова Я. Стиль модерн в архитектуре. Особенности модерна в архитектуре. URL: https://www.syl.ru/article/201138/new_stil-modern-v-arhitekture-osobennosti-moderna-v-arhitekture

11. Цзен Шуаншуан. Русская эмиграция в Харбине в первой половине XX века // Сборник докладов VI Всероссийской научно-практической конференции «Научная инициатива иностранных студентов и аспирантов российских вузов». Томск, 2013. 512 с.
12. Хоу Юбин, Чжан Фухэ, Цунь Суншэн, Сицзэ Тайянь. Очерк современной архитектуры Китая. Раздел «Харбин». Пекин, 1992. 141 с.
13. Цао Иян, Синь Линся. «Харбин 1898» об охране вековых памятников русского зодчества // Газета Синьхуа. 2011. 9 ноября.
14. Цзи Гохуа. Заимствование архитектурных идей советского социалистического реализма 50-х годов 20 века и их влияние на китайскую архитектуру // Times Architecture. 2007. С. 66-71.
15. Цзян Сюэ. Влияние русского архитектурного стиля на зодчество Харбина. Харбин, 2011. 42 с.
16. Чан Хуайшэн. Архитектура Харбина. Харбин, 1990. 298 с.
17. Шевцова Т.И. Русская архитектура за рубежом. Харбин далекий и близкий // Санкт-Петербургская панорама. 1993. № 9. С. 32-34.

Monuments of Russian architecture and culture in Harbin

Xiang Ding

Postgraduate,
Department of Philosophy and Culturology of the East,
Saint Petersburg State University,
199034, 7/9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: elinal847@gmail.com

Abstract

The research presented in the article describes the experience of the analysis of Russian architectural and cultural monuments in China. The author examines Russian architectural and cultural monuments on the example of the urban landscape of Harbin, which is the administrative center of the modern Heilongjiang province, located in the north-east of China, and examines specific works of architectural art built during the Russian Empire and the Soviet Union existence as historical and cultural phenomena, as well as their position in modern China, reflecting, on the one hand, specific ways of penetration of Russian culture into the Chinese ethnocultural space and the ways of Russian cultural influence in China, and on the other, especially the local perception of such innovations and the “image of Russia”. From 1997 to the present, the authorities in Harbin have invested more than 3 billion yuan in the protection and restoration of local historical, cultural and architectural monuments. In 2014, the list of such monuments was expanded to 415 points, and their number continues to increase. Concern for architectural monuments and historical and cultural sights was explained by the need to preserve the history of one’s own city, embodied in its landscape. But at the same time, memories of Russia were also restored. From an objective point of view, such a study can help strengthen the friendly ties between the Russian Federation and the People's Republic of China and contribute to the further mutual understanding of these peoples.

For citation

Ding Xiang (2018) Pamyatniki russkoi arkhitektury i kul'tury v Kharbine [Monuments of Russian architecture and culture in Harbin]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 8 (5A), pp. 37-44.

Keywords

People's Republic of China, Harbin, architecture, urban landscape, cultural senses of architecture, architectural styles, architectural monuments in Russian style, image of Russia.

References

1. Breus E.M. (2012) *Obrazy i simvoly vlasti v sovremennom Kitae. Doct. Dis.* [Images and symbols of power in modern China. Doct. Dis.]. Moscow.
2. Cao Yiyan, Xin Ling (2011) "Harbin 1898" on the protection of centuries-old monuments of Russian architecture. *Xinhua newspaper*, November 9th.
3. Chang Huaysheng (1990) *Harbin architecture*. Harbin.
4. Hou Jubin, Zhang Fuhe, Tsun Songsheng, Xijie Taiyang (1992) *Sketch of modern architecture of China. Section "Harbin"*. Beijing.
5. Ji Guohua (2007) Borrowing architectural ideas of Soviet socialist realism of the 50s of the 20th century and their influence on Chinese architecture. *Times Architecture*, pp. 66-71.
6. Jiang Xue (2011) *The influence of the Russian architectural style on the architecture of Harbin*. Harbin.
7. Kradin N.P. (2015) Svyato-Nikolaevskii sobor v Kharbine kak simvol russkoi pravoslavnoi kul'tury [St. Nicholas Cathedral in Harbin as a symbol of Russian Orthodox culture]. In: *Ryabininskie chteniya* [Ryabininsky readings]. Petrozavodsk.
8. Kradin N.P. (2001) *Kharbin – russkaya Atlantida* [Harbin: Russian Atlantis]. Khabarovsk.
9. Liu Deji (2015) *The affairs of the past in Harbin are the Russian architectural style of Harbin*. Available at: <http://imharbin.com/post/17028> [Accessed 10/10/2018]
10. Liu Sunfu (2015) Trends in the development of contemporary architectural art in Harbin. *Chengshi Jianzhu*, pp. 43-47.
11. Lui Bo (2014) The most remarkable monuments of the old architecture of Harbin should be restored: the newly edited list of 415 monuments. *Haerbin Xin Wanbao Newspaper*, May 9th.
12. Shevtsova T.I. (1993) Russkaya arkhitektura za rubezhom. Kharbin dalekii i blizkii [Russian architecture abroad. Harbin distant and close]. *Sankt-Peterburgskaya panorama* [St. Petersburg panorama], 9. S. 32-34.
13. Strelkova Ya. *Stil' modern v arkhitekture. Osobennosti moderna v arkhitekture* [Art Nouveau Style in Architecture. Features of modernity in architecture]. Available at: https://www.syl.ru/article/201138/new_stil-modern-v-arhitekture-osobennosti-moderna-v-arhitekture [Accessed 10/10/2018]
14. Verzhbitskii Zh.M. (2010) *Arkhitekturnaya kul'tura: iskusstvo arkhitektury kak sredstvo gumanizatsii «vtoroi prirody»* [Architectural culture: the art of architecture as a means of humanizing the "second nature"]. St. Petersburg: ARDIS Publ.
15. Ying Jo (1981) Architecture "is determined by socialism inside, outwardly reflects nationality". *Jianzhu Xuebao Newspaper*, 2, pp. 60-63.
16. Zabiayko A.A. et al. (2015) *Russkii Kharbin. Opyt zhiznestroitel'stva v usloviyakh dal'nevostochnogo frontira* [Russian Harbin. Experience of building in the conditions of the Far Eastern frontier]. Blagoveshchensk.
17. Zeng Shuangshuang (2013) Russkaya emigratsiya v Kharbine v pervoi polovine KhKh veka [Russian emigration in Harbin in the first half of the twentieth century]. In: *Sbornik dokladov VI Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Nauchnaya initsiativa inostrannykh studentov i aspirantov rossiiskikh vuzov»* [Collection of reports of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference "Scientific Initiative of foreign students and graduate students of Russian universities"]. Tomsk.